

18+

Ольга Варганова

Клуб желаний
кто придёт к тебе во сне

Ольга Варганова

**Клуб желаний. Кто
придет к тебе во сне**

«Издательские решения»

Варганова О.

Клуб желаний. Кто придет к тебе во сне / О. Варганова —
«Издательские решения»,

Недалекое будущее. После смерти матери Кэссиди принимает предложение о работе в закрытом «Клубе желаний», где состоятельные люди покупают сны, неотличимые от реальности. Она — проводник: усиливает чужие эмоции, но не имеет права менять сюжет сна. Однако, путешествуя по чужим снам, она начинает находить обрывки собственной истории: всплывают улики, которые ведут к пропавшему отцу, давнему предательству и покушению. И чем ближе правда, тем яснее: сегодня пришли не за сном — сегодня пришли за ней.

Содержание

КЛУБ ЖЕЛАНИЙ	6
Глава 1. Сон	7
Глава 2. Мама	8
Глава 3. Черная машина	10
Глава 4. Без права отказаться	12
Глава 5. Последняя ночь	14
Глава 6. Уже было поздно	15
Глава 7. Когда терять уже нечего	16
Глава 8. Подпиши и молчи	18
Глава 9. Погружение	20
Глава 10. Первый сеанс	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Клуб желаний Кто придет к тебе во сне

Ольга Варганова

© Ольга Варганова, 2026

ISBN 978-5-0071-0161-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КЛУБ ЖЕЛАНИЙ

Кто придет к тебе во сне

Глава 1. Сон

Кэссиди слышала свое имя.

— Кэсси, Кэс, — какой-то знакомый и ласковый голос нежно звал ее.

Она чувствовала тепло и безопасность. Светлая большая комната была наполнена утренним солнцем. Свет ложился на пол широкими теплыми полосами, и в воздухе медленно плавали золотистые пылинки, будто сама комната еще не до конца проснулась. Женщина с темными волосами гладила ее по голове, пытаясь разбудить ее, она не видела ее лица, только силуэт, но точно знала, что она очень красивая, и она улыбалась ей. Ее пальцы были удивительно теплыми, а от нее исходил едва уловимый цветочный запах духов. Кэссиди подсознательно ощущала, что время просыпаться, но не хотела, никак не могла вытащить себя из этой приятной неги сна.

Потом она услышала отдаленный мужской голос. Голос доносился будто из другой части комнаты или из открытого дверного проема — спокойно, негромко, но так отчетливо, словно он звучал совсем рядом.

— Лучший момент жизни, — сказал он.

— Возможно, лучше уже не будет, — тихо продолжил фразу все тот же женский ласковый голос.

Красивая картинка внезапно сменилась. Женщина пропала. Солнце исчезло, воздух стал холоднее, а тишина — оглушающей. Потом тишину разорвали жуткие крики. Они налетели резко, как если бы кто-то распахнул дверь в другой мир. Они звучали рядом и одновременно будто далеко. Кэссиди видела каких-то людей, размытые силуэты, движения, лица. Она пыталась что-то рассмотреть и запомнить, ухватиться за детали, но все расплывалось, ускользало, как вода сквозь пальцы.

И тогда она почувствовала, как кто-то сдавливает ей горло. Она хватала воздух, но вдох не получался, будто его просто больше не было. Кто-то душил ее, она задыхалась...

В холодном поту она проснулась, на часах 6:30.

Глава 2. Мама

Яркое солнце пробивалось сквозь шторы и заливало всю их маленькую студию: одна комната, где все рядом — кровати, стол, шкаф, кухня, маленькая прихожая. В комнате было уютно, хотя мебель уже изрядно потрепалась, но зато из единственного окна открывался потрясающий вид на город! Они жили на окраине, в обычном спальном районе, среди типовых домов, откуда до центра ехать достаточно долго. Кэссиди прошла пару шагов до уголка, где спал младший брат, отделенный только стеллажом. Лучи ложились на пол теплыми полосами, подсвечивали пыль в воздухе и делали тесное пространство светлее, будто оно стало больше. Она наклонилась к брату, тихо позвала его и на секунду поймала себя на мысли, что при солнечном свете их квартирка уже не выглядит такой унылой.

— Тимми, вставай, — я приготовила завтрак.

— Доброе утро, малыш, — Кэссиди почесала Бэнжи за ушком.

И их пес радостно завилял хвостиком, приветствуя хозяйку.

Утро было ясным и по-весеннему легким, и на несколько минут Кэссиди показалось, что жизнь может быть обычной. Она быстро собралась, мысленно расставляя день по местам: в библиотеке нужно было запустить «тихую» калибровку залов, принять ночные возвраты от роботов и разложить подборки; помочь посетителям — собрать для них короткие маршруты чтения; в конце — разобрать новые поступления, отметить их в каталоге и привязать AR-метки к полкам, — потом вернуться и провести маму, после — в институт на вечерние лекции. Работа в библиотеке ей нравилась, но самое главное — она могла помогать маме и учиться. На время она осталась единственной, кто обеспечивал семью, поэтому пришлось жить в режиме строгой дисциплины.

— Кэсс, как она сегодня? — спросил Тимми.

— Все так же, — ответила Кэссиди.

Чуть больше месяца назад их маме поставили страшный диагноз, после того как она упала и у нее отнялись ноги, диагноз прозвучал сухо и страшно: рак, последняя стадия, и врачи почти не оставили надежды, сказав, что времени осталось примерно месяц — полтора. Ничего не предвещало случившегося. Все это время она оставалась дома. В последнее время мама уже не вставала, почти не реагировала на происходящее вокруг и лишь иногда приходила в сознание. Теперь она почти все время лежала в забытии на своей кровати. На тумбочке рядом стояли стакан воды, упаковки лекарств, а сама кровать уже давно стала больше похожа на больничный островок, чем на обычное место для сна.

За завтраком они вместе с Тимми сидели, уткнувшись в телефон Кэссиди. На столе стояли два кусочка хлеба с тонким слоем масла и чашки с чаем.

— Ой, Кэс, подожди, не листай дальше, посмотри, вышел новый клип Зайро Кейна, давай посмотрим, помнишь, ты рассказывала, как ты во вне посоветовала ему сделать видео на космическом корабле.

— Да, точно, и правда корабль, получилось здорово, — ответила Кэссиди.

— Ух ты, посмотри, как снято... вот этот момент, камера одним проходом идет по кораблю, а за иллюминаторами Земля прямо «плывет» рядом. Смотри, припев вообще бомба — он в зоне гравитации, и все вокруг начинает медленно кружиться, будто танцует вместе с ним, — это же действительно круто! А финал в прозрачном модуле у шлюза вообще как кадр из сна, можно пересматривать бесконечно, — в восторге озвучивал увиденное Тимми и тихо подпевал запоминающийся припев.

Кэссиди закончила завтракать первой. Она надела потертые джинсы, свитшот бежевого цвета и теплую куртку, которая видела не один сезон. На ноги — удобные кроссовки, скорее практичные, чем модные. Кэссиди посмотрела в зеркало и увидела в отражении молодую кра-

сивую девушку с большими серо-зелеными глазами, немного грустными. Ее длинные темные волосы — густые, ухоженные — небрежно спадали на плечи и ярко выделялись на фоне ее скромной одежды, словно напоминая, что в ней самой всегда было больше, чем позволяла жизнь вокруг. Выходя, она остановилась на минуту перед дверью.

— Тимми, встретимся вечером, будь умницей, погуляй с Бэнжи, — сказала Кэссиди, — два раза.

— Будет сделано, — ответил брат.

Она тихо закрыла за собой дверь. Потом повернулась и пошла вниз, чувствуя утренний холод подъезда и тяжесть мыслей. На улице ее сразу встретил свет — яркий, слишком живой и радостный для того, что происходило дома.

Глава 3. Черная машина

У подъезда стоял большой черный внедорожник. На фоне облупившегося подъезда он выглядел слишком чисто и дорого, с густо тонированными стеклами и тяжелым блеском кузова.

Такая крутая машина у нас тут, в такой глуши. Может, кто-то выиграл в лотерею.

Кэссиди подошла чуть ближе к машине, немного замедлила ход и попыталась разглядеть, что внутри, но черные тонированные стекла скрывали тех, кто в ней находился. Она невольно перевела взгляд на номер — простой и запоминающийся: 1—2—3.

Она добралась до работы. Путь был неблизкий, на другой конец города. Около библиотеки снова увидела черный внедорожник.

Это какое-то наваждение, опять машина, как сегодня утром около подъезда, но хоть номера, надеюсь, другие, а то я бы подумала, что меня кто-то преследует.

Ее бросило в холод, номер был аналогичным тому, что она видела утром.

Весь день на работе она выдавала и забирала книги читателей. Перед институтом Кэссиди забежала домой проведать маму. Около института она увидела опять знакомый автомобиль. Когда Кэссиди в третий раз за день заметила одну и ту же машину, внутри поднялась тревога. Волнение росло в теле, но она все же пыталась убедить себя, что это просто совпадение. Лекции закончились в этот день раньше, Кэссиди вышла на улицу, добралась до дома.

Черный внедорожник стоял не вплотную к подъезду, а на расстоянии; водитель вышел сам, не торопясь, и поднял ладонь — предлагая ей остановиться. В руке у него был тонкий планшет. На вид ему было около сорока: высокий, сухощавый, в темном пальто без единой лишней детали. Лицо у него было спокойное и малозапоминающееся, как у людей, чья работа — не привлекать к себе внимания.

— Кэссиди Палмер? — спросил он ровно. — Вы вчера подтвердили участие в конкурсе на позицию куратора библиотечного отдела.

— Возможно, — ответила Кэссиди.

— Это стандартная процедура для кандидатов. Вы проедете с нами для собеседования, маршрут останется вне вашего поля зрения — ради безопасности клиентов и сотрудников. Вы можете отказаться в любой момент.

Он повернул к ней экран. Она пробежалась глазами по экрану. На нем — короткий текст: конфиденциальность, ограничение визуальных ориентиров, запись маршрута для комплаенса, право прекратить процедуру без объяснений. Внизу — кнопка «Согласна».

— Прошу ознакомиться и подтвердить.

Кэссиди провела взглядом по строкам и нажала на кнопку. Экран ответил зеленой меткой.

— Благодарю, — водитель кивнул. — Садитесь в машину.

Она села в машину. Мужчина сел рядом с ней. Салон пах холодной кожей, дорогим освежителем и чем-то металлическим. Двери глухо закрылись, сразу отсекая уличный шум.

Какое-то очень странное собеседование. Ограничение визуальных ориентиров, что это значит.

Кэссиди волновалась, но внешне сохраняла спокойствие: медленно вдохнула, выпрямила плечи и постаралась смотреть уверенно, чтобы не показать, что ей все-таки было страшно.

— Позвольте, я завяжу вам глаза, вам нельзя видеть, куда мы поедем, — сказал мужчина. — Если почувствуете дискомфорт — скажите, и мы развернемся.

Он завязал ей глаза, она оказалась в полной темноте. Она только чувствовала, как быстро движется машина, поворот за поворотом, по поворотам она пыталась запомнить дорогу, но в итоге сбилась.

С закрытыми глазами мир сужается до звуков, запахов и прикосновений, и от этого все становится слишком чувствительным. Кэссиди не понимала, где находится, и тело начало лихорадочно собирать детали окружающих звуков: вибрация под ногами, движение рядом, звуки музыки, шуршание одежды, чужой запах, скрип кожи сиденья. Но чем внимательнее она пыталась это считывать, тем яснее было ощущение, что контроля ситуации нет. Она вспомнила, что действительно отправляла заявку на конкурс, и это немного прояснило ситуацию: значит, все происходящее не случайно. Но тревога от этого не становилась меньше — наоборот, только сильнее.

Если это обычное собеседование, почему ей не позвонили заранее, не назначили время, не пригласили как нормального кандидата, а весь день молча следили одной и той же машиной?

Они ехали довольно долго, как поняла она, около часа. Кэссиди почувствовала, что машина останавливается. В следующую секунду страх вернулся с полной силой — будто ее столкнули в темноту. Кэссиди сжала пальцы до боли и приготовилась.

Глава 4. Без права отказаться

Машина остановилась, и по звуку Кэссиди поняла, что они въехали внутрь. Шум улицы исчез, воздух стал суше и прохладнее, а звук мотора гулко отразился от бетонных стен, выдавая закрытое пространство. Они были в гараже или подземной парковке, потом дверь машины открылась, и мужчина вывел ее, они прошли немного, она услышала звук открывающихся дверей лифта. Лифт тронулся почти без рывка, но давление в ушах и едва заметная вибрация выдали движение вверх. Секунды тянулись, этаж за этажом, и чем выше они поднимались, тем сильнее Кэссиди ощущала, что ее везут не просто в здание, а куда-то очень высоко.

— Мне кажется, мы в Холмах-таун, — робко спросила Кэссиди.

— Помни, что если тебе что-то кажется, то это действительно кажется, — со смехом произнес грубым незнакомым голосом мужчина.

Она поняла, что это уже другой мужчина.

— Входи, — он помог ей войти.

Она ощутила приятный запах, играла спокойная музыка. Ей помогли сесть на кресло. Сняли повязку с глаз. В комнате было темно. Глаза не могли сразу привыкнуть к темноте. Она чувствовала, что в комнате есть кто-то еще, хотя дверь захлопнулась, и казалось, что грубый мужчина удалился из комнаты.

— Добрый день, Кэссиди, — раздался мягкий, вкрадчивый мужской голос из полумрака. Когда зрение немного прояснилось, Кэссиди стала различать в глубине комнаты темный силуэт мужчины, сидящего глубоко в кресле: нога на ногу, руки на подлокотниках.

— Это не собеседование. Это проверка. Мы забрали тебя ненадолго и сделали ровно то, что обязаны делать перед таким предложением, — мы тебя проверили. Твою реакцию, твою устойчивость, твою способность держать себя в руках.

Он выдержал короткую паузу, давая словам улечься.

— Нам важно было понять, подходишь ты нам или нет. Теперь мы знаем ответ. Зови меня Орландо, ты, наверно, удивлена, возможно, тебе страшно, — он немного помолчал. — Но не бойся, здесь никто тебя не обидит, и мы отвезем тебя обратно, как только ты пожелаешь и, если наше предложение не покажется тебе интересным. Ты давно находишься в поле нашего внимания. У нас достаточно людей и способов, чтобы не упускать тех, кто действительно нам нужен.

Это был голос, который умел звучать одновременно дружелюбно и безапелляционно. Она почти не видела говорящего, только очертания силуэта — свет доставал только до центра комнаты, а дальний угол тонул в плотной тени. Но голос шел именно оттуда: приглушенный, будто сквозь мягкую обивку, и с легким отражением, как если бы человек сидел глубоко в кресле у стены.

Не собеседование, а тогда что. Какое может быть предложение к ней, она обычная девушка.

— Возможно, тебе кажется, что ты такая же, как все, — продолжал мужчина, — но ты особенная. Тебе когда-нибудь казалось, что тебе что-то снится, но потом эти сны ты видела наяву, или встречала кого-то из сна, или помогала кому-то во сне, а потом действительно оказывалось, что ты помогла не во сне, а на самом деле? — говорил мужчина.

Кэссиди вспомнила, что такое бывало, но она думала, что это просто совпадение, и старалась не придавать значения. А в школе ее вообще считали странной, когда она хотела поделиться с кем-то, потом она просто перестала говорить о таких вещах. Однажды она рассказала об этом маме, и та очень серьезно попросила ее никому больше этого не рассказывать.

— Ты чувствовала, что не просто видишь чужие сны, а можешь управлять ими? — спросил мужчина, но Кэссиди поняла, что это вопрос, который не требует ответа.

Кэссиди задумалась.

— Вот именно, — он словно угадывал ее мысли, — с радостью сообщая тебе, что ты избранная, — он помолчал и добавил: — Добро пожаловать в Клуб желаний!

— Клуб желаний? — переспросила Кэссиди.

— Да, Клуб желаний — место, где человеку дают прожить во сне то, чего он давно хотел, о чем мечтал или боялся признаться даже себе. Здесь исполняют фантазии и возвращают утраченные ощущения, стирая границу между выдумкой и реальностью. А иногда вытаскивают наружу то, что человек всю жизнь прятал в тени. Мы предлагаем уникальный продукт премиального уровня, — говорил голос, — настоящие эмоции, незабываемые впечатления, полное стопроцентное погружение, при котором мозг воспринимает происходящее как реальность, сны не обрываются, сны запоминаются. Клиенты не наблюдают сон со стороны — они живут внутри него и чувствуют пространство, тепло, холод, скорость, близость, страх или нежность так, как если бы это происходило наяву. Наши сценарии выстроены так, чтобы сон не обрывался на самом интересном месте, и сюжет держит ритм, сцены переходят естественно, а впечатление остается цельным. После пробуждения сохраняется яркая, устойчиво запоминаемая картина — не смутные обрывки, а последовательные воспоминания, к которым можно мысленно возвращаться снова и снова.

Орландо назвал это место Клубом желаний и уточнил, что сюда приходят состоятельные люди «побывать» в своих снах-желаниях так, как они не могут позволить себе наяву: без-опасно, конфиденциально, без последствий для репутации и жизни.

Потом он сказал, что у нее есть необыкновенный и необходимый им талант. Наверно, каждый мечтает оказаться в нужное время в нужном месте, как она себя и чувствовала сейчас. И это был ни опыт, ни диплом — а именно способность чувствовать границы чужого сна. Он говорил об этом так, будто они давно ее наблюдали, оценивали и теперь просто подтверждают вывод. Ей ужасно хотелось спросить: откуда вы вообще обо мне знаете? Но вопрос она так и не задала, потому что следом он предложил необычную работу, которая была именно для нее, и большие деньги, настолько большие, что на секунду перед глазами пронеслась вся ее жизнь: больная мама, маленькая квартирка, счета, которые страшно открывать, и институт, за который приходится держаться, будто за последнюю ступень вверх. Денег не хватало ни на лекарства, ни на нормальную учебу, и каждое решение превращалось в выбор между необходимым. А потом она увидела другую жизнь, словно открылась другая дверь: возможностей, уверенности, перспектив, о которых она раньше могла только мечтать.

Мысли Кэссиди унеслись далеко, и она уже почти не слышала голос и вдруг поняла, что мужчина перестал говорить.

— Ну что, как тебе такое предложение, Кэссиди? — спросил он.

— У меня есть время подумать? — ответила она вопросом.

— Да, конечно, — отозвался голос, — только не тяни сильно с ответом, недели, думаю, будет достаточно. Всего доброго, Кэссиди.

Она услышала звук открывающейся двери. Ее вывели из кабинета. В этот момент ее будто лишили привычной опоры под ногами. Кэссиди было страшно — от самого факта, что существуют люди и технологии, способные превращать чужие желания в управляемые сны, и что ее зовут внутрь этого механизма. Она была смущена — будто ей предложили роль, на которую она не имеет права, и она еще не решила, обман это или шанс. Но вместе с этим внутри поднималось почти неприличное воодушевление: редкое ощущение, что жизнь наконец-то открыла дверь не «куда придется», а туда, где она может оказаться нужной по-настоящему.

Пока ее доставляли домой, мысли металась между двумя полюсами: это опасно и это может изменить все. И оба звучали одинаково правдиво. Но у нее была неделя подумать, ведь она может и не соглашаться.

Глава 5. Последняя ночь

Кэссиди вернули на то место, где и забрали.

Она поднялась на свой этаж, остановилась у двери и несколько секунд просто смотрела на замок, будто не сразу вспомнила, что делать дальше. Достала ключ, медленно открыла дверь.

Навстречу выбежал Бэнжи, он радостно ластился перед ней. Она его погладила. Но все очень медленно. Ей казалось, что это все делает не она, а кто-то другой.

— Что с тобой, Кэс? — спросил Тимми, заметив, что она очень медленно и долго гладит собаку. — Как прошел день?

— Все нормально, — отозвалась Кэссиди.

Но все не было нормально, она вспоминала вечер, машину, вкрадчивый голос, предложение. Ей казалось, как будто это было не с ней, в какой-то другой жизни, словно в тумане. Она полезла в сумочку и достала телефон, который передал ей Орландо для связи с ним.

Значит, это все действительно было.

— Ты поел? — спросила она Тимми.

Но что он ответил, она не помнила. Она села на кровать мамы. Матрас под ней был продавлен, а лицо матери на подушке казалось почти прозрачным в тусклом вечернем свете.

— Привет, мамочка, — сказала Кэссиди почти бездыханной матери. — Мне опять снился тот голос, о котором я тебе рассказывала, — тихо говорила Кэссиди.

— Кэсси, — вдруг отозвалась мама, — я хочу... тебе расс-казать, — медленно и тяжело она пыталась что-то сказать, как будто каждое слово ей приходилось выталкивать из глубины тела через боль и слабость. — Твой отец, он не твой, и я... Кэсси.

Кэссиди отпрянула назад, мама уже последнее время почти всегда была без сознания.

— Да, я здесь, мамочка.

Потом мама замолчала, Кэссиди видела, что слова даются с огромным трудом. И она не выдержала.

— Давай ты расскажешь мне завтра, утром, сегодня уже поздно, — сказала Кэссиди, почувствовав, что мама едва выговаривала слова, или, возможно, она боялась что-то услышать. — И я тоже сегодня устала.

Кэссиди долго не могла уснуть: все снова проносилось у нее перед глазами, она представляла себе, как могли выглядеть здание, мужчины в том здании, комната, она думала о сделанном ей предложении. Кэссиди ощущала страх. Страх был холодным и ясным. Она, возможно, ввязывалась во что-то опасное и непонятное. Но именно в этом и был шанс на новую жизнь, на возможность наконец выбраться из вечной нужды — и эта мысль не давала ей уснуть. Потом она вспомнила последние слова мамы.

Что значит, мой отец не мой, кто тогда мой? А Тимми, кто его отец? Наверно, маме могло что-то привидеться в полусне.

Потом мысли опять вернулись к последним событиям дня. Еще какое-то время она лежала и обдумывала, но поняла, что проваливается в сон.

— Я особенная, — прошептала она в темноту и уснула.

Глава 6. Уже было поздно

Суббота выдалась редким, настоящим выходным. Кэссиди тихо подошла к маме. Она лежала неподвижно, бледная, и дышала неглубоко, с длинными паузами, от которых каждый раз становилось тревожно. Казалось, она спит, но сон у нее был тяжелый, болезненный — больше похожий на забытие. Кэссиди осторожно подтянула одеяло к плечам, расправила край, чтобы нигде не тянуло, и на секунду задержала ладонь на маминой руке, проверяя тепло.

Только после этого Кэссиди позволила себе выдохнуть. Если мама сейчас спит спокойно, значит, можно украсть несколько радостных мгновений — даже не для себя, а для Тимми, чтобы он хоть ненадолго мог перевести дух. Мысль уйти из квартиры все равно отзывалась тревогой. Вдруг мама проснется, вдруг ей станет хуже, вдруг именно сейчас что-то изменится. Но оставаться взаперти тоже было слишком трудно, и им всем нужна была хотя бы короткая передышка.

Кэссиди взяла Тимми, Бэнжи, и они поехали на холм в другой части города, на окраине, где воздух пах прохладой, а шум дорог будто оставался ниже. Трава там уже поднялась после зимы, но местами еще была бледной, а воздух на высоте оказался заметно прохладнее и чище, чем внизу, среди домов. Отсюда город раскрывался сразу в две стороны, и Кэссиди каждый раз поражалась этому контрасту: с одной стороны лежал элитный район «Холмы-Парк» — огромные участки земли, где дома прятались за кронами деревьев, и зелень уходила так далеко, что границ уже не было видно. А с другой — деловой центр «Холмы-таун»: стеклянные башни, световые линии и небоскребы, уходящие в небо, как будто там живет другая скорость и другая жизнь.

Тимми рядом возился с Бэнжи — смеялся, командовал, снова и снова бросал палку, а собака носилась по траве, счастливая, шумная, с таким азартом, словно это лучший день на свете. Кэссиди встала чуть в стороне и смотрела на панораму с тихим восторгом, чувствуя, как внутри возвращается упрямая мечта. Ей казалось, что она подглядывает в свое будущее, и на секунду ей почти удалось поверить, что однажды она будет не наблюдать с холма, а жить и работать там, среди этих огней и высоты.

Мне повезет, обязательно повезет.

Пока Тимми смеялся и бегал с Бэнжи по траве, Кэссиди все равно не могла до конца расслабиться. Она чувствовала вину за то, что вообще решилась уйти из квартиры, будто позволила себе лишнее в момент, когда должна была быть рядом с мамой. Несколько раз она ловила себя на тревожной мысли, что это короткое счастье недолгого выходного может обойтись слишком дорого.

— Ну что, нагулялись, ребята, пора домой, — позвала Тимми Кэссиди.

Вернувшись с прогулки, Кэссиди вошла в квартиру на цыпочках — по привычке, словно все еще боялась разбудить маму. Тимми что-то тихо говорил Бэнжи. Кэссиди автоматически направилась к маме, как делала десятки раз в день: проверить дыхание, поправить одеяло, убедиться, что все пока держится.

Но у кровати она остановилась, потому что комната была слишком тихой. Она наклонилась, всмотрелась — грудь не поднималась, лицо было неподвижным, спокойным, и от этого спокойствия внутри все оборвалось. Кэссиди коснулась ее руки: кожа показалась чужой и холодной. В этот момент она осознала: мама не спит. Мамы больше нет.

Глава 7. Когда терять уже нечего

Они стояли на похоронах, прижавшись друг к другу. Кэссиди и Тимми. Он казался потерянным, но очень повзрослевшим, как будто ему было не 12 лет. Он держался, не плакал. Наверно, если бы он заплакал, Кэссиди тоже бы разрыдалась. Народу было немного. Родственников у них почти не было, пару маминых подруг, пару коллег с маминой работы, просто люди, которые пришли потому, что мама была для них хорошим человеком. Было почти уже начало апреля, а на кладбище еще лежал кое-где снег: грязные островки в тени, холодная земля, сырой ветер, от которого немеют пальцы.

Кэссиди подумала, смотря на маму, что она кажется такой худенькой и беззащитной, она вспоминала, какая сложная жизнь у нее была в последние годы, как их отец погиб, когда Тимми было три года, ей двенадцать, как сейчас Тимми, мама осталась одна с двумя детьми, долгами отца — кредитами на несостоявшийся бизнес, денег не хватало, пришлось переехать из двушки в маленькую студию на окраине города. Кэссиди вдруг ясно увидела, сколько мама вынесла молча, и от этого стало больнее всего: она так хотела успеть помочь ей по-настоящему, облегчить хоть чем-то ее жизнь, но не успела. У Кэссиди перед глазами проносилась мамина жизнь короткими вспышками, от которых внутри становилось пусто и холодно.

Весной смерть ощущается особенно остро, потому что вокруг все говорит обратное: распускаются почки, возвращается свет, земля пахнет началом. Мир будто демонстративно выбирает жизнь — и на этом фоне чужая остановка кажется неестественной, почти несправедливой. Весна напоминает, что жизнь и смерть всегда идут рядом: одна поднимает ростки, другая тихо забирает тех, кто уже не увидит, как они распустятся. И от этого каждое прощание звучит громче, будто его произносят на фоне музыки, которая не должна обрываться.

«А что она потеряет?» — вдруг подумала Кэссиди, снова и снова прокручивая в голове предложение о работе в клубе. Страшно, да, слишком неизвестно, слишком похоже на дверь, за которой могут оказаться не только деньги, но и правила, о которых не предупреждают вслух. Но это был и выход — первый реальный за долгое время. Она сможет нормально платить за институт, перестать считать каждую мелочь. Сможет дать шанс Тимми учиться в хорошем месте. Сможет купить квартиру, а потом, если все пойдет хорошо, возможно, и дом, о котором она мечтала, и это вообще казалось невозможным.

Ее мысли уносили далеко. Будущие планы складывались слишком легко, картинки уже рисовались в ее голове. «А если просто попробовать?» — убеждала она себя. Один шаг, одна попытка. Орlando ведь прямо сказал, что, если не получится, она сможет уйти в любой момент. И именно эта фраза — про «можно уйти» — делала решение почти возможным, хотя где-то внутри уже шевелилось сомнение: а отпустят ли на самом деле?

«А что она скажет Тимми?» — эта мысль колола сильнее остальных. Как объяснить ему новую работу, если о ней нельзя рассказывать, если даже слова звучат подозрительно? Она перебирала варианты и понимала, что, может быть, не нужно ничего объяснять: просто будет уходить «на смену», как раньше, приносить деньги, делать вид, что все нормально.

«А что она скажет, когда он спросит, откуда у нее такие деньги? Но до этого еще надо дожить» — подумала Кэссиди, заставляя себя думать сначала о первом шаге.

Похороны прошли тихо, почти без слов. Люди стояли сдержанно, говорили вполголоса, обнимали Кэссиди и Тимми. Когда все закончилось и люди начали расходиться, тишина стала еще сильнее — как будто вместе с ними ушла последняя связь с обычной жизнью. Они с Тимми еще немного постояли и тоже ушли.

Они вернулись в свою маленькую квартиру, Кэссиди осмотрелась вокруг: Тимми стоял рядом, опустив плечи, молчал и смотрел куда-то мимо нее. Бэнжи прижался к ногам, маленький, испуганный, словно тоже понял, что потерял очень близкого человека.

Она достала старенький телефон, который ей передал Орландо: простой, будто из другой жизни, и нажала кнопку «Вызов».

— Да... я слушаю, — раздался на другом конце протяжный, знакомый голос.

Кэссиди сглотнула, собрала воздух и сказала ровно, слишком твердо для своего состояния:

— Я согласна.

И, не давая себе времени передумать, разъединила звонок.

Глава 8. Подпиши и молчи

В назначенный час Кэссиди доехала до нужного места и остановилась там, где ей велели — у неприметного входа без вывесок, в тени фонарей. Почти сразу подъехала та же черная машина, без лишнего шума, как будто она всегда была где-то рядом. Ей не задавали вопросов: дверь открылась, ее молча усадили внутрь, и через секунду на глаза легла привычная повязка — плотная, отсекающая мир так же легко, как выключатель.

На этот раз повязку сняли, когда они оказались на нужном этаже. Кэссиди провели по коридору, где звук шагов будто гас в мягком покрытии пола. Ни окон, ни привычных ориентиров — только ровные темные стены и редкие полосы подсветки, от которых пространство казалось бесконечно одинаковым. Дверь в конце коридора открылась почти бесшумно, и Кэссиди мягко направили внутрь — в комнату без окон, где стоял полумрак, как в подвальном помещении или в кинозале перед началом сеанса.

У нее подкашивались ноги. В животе бурлило от страха, а мысли расплывались туманом. Она понимала, что должна быть собранной, но тело отказывалось слушаться. Кто-то осторожно поддержал ее под локоть и посадил на стул. Стул был простой, жесткий, с холодной спинкой.

Напротив, за столом, сидели люди — Кэссиди видела только очертания: темные фигуры, неподвижные, как манекены. Сначала ей показалось, что их больше двух, но свет и тени обманывали — комната «съедала» детали. Глаза постепенно привыкали к темноте, и тогда проявились две фигуры ближе остальных. На них были черные маски — гладкие, матовые, без выражения, с аккуратными прорезями для глаз.

— Кэссиди, — раздался мужской голос. Он звучал ровно, чуть металлически, будто шел через фильтр или синтезатор, лишенный естественных обертонов. — Ознакомьтесь с документом на столе и подпишите его.

Перед ней с легким шорохом положили папку. В ту же секунду над столом вспыхнула лампа — узкий конус света, направленный только на бумаги. Папка была плотная, темная, с идеально ровным краем, а белая бумага внутри казалась почти ослепительной в узком круге света. И стало еще страшнее: яркое пятно слепило, а все, что было за пределами освещенного круга, окончательно утонуло в темноте. Кэссиди видела строки, собственные руки, кончик ручки — но не видела тех, кто говорил. Казалось, будто свет специально устроен так, чтобы ее заставить смотреть вниз и не искать глазами лица.

— Я коротко объясню вам правила, — продолжил голос, не меняя интонации. — В клубе все конфиденциально. Никто не знает настоящих имен клиентов. Никто не видит лиц клиентов и лиц сотрудников. Вы не имеете права интересоваться личностями клиентов — ни у самих клиентов, ни у сотрудников. Вы не должны интересоваться также и сотрудниками. Все работают в масках. Голоса изменены.

Он сделал короткую паузу.

— Ваша роль — проводник. Ваша обязанность — входить в сон клиента и делать его интереснее и насыщеннее, не влияя на ход событий. Вы не меняете идею сна. Не подменяете желания. Не «исправляете» человека. Вам запрещено осуждать клиента — словами, интонацией, жестами или любыми попытками дать моральную оценку тому, что он хочет увидеть. Вы сохраняете профессиональный нейтралитет: не проявляете ни презрения, ни жалости, ни «спасательства», ни любопытства, выходящего за рамки работы. Любые личные привязанности, симпатии, отвращение или желание «наказать или научить» клиента считаются нарушением: вы не сближаетесь, не давите, не манипулируете и не переносите отношение к нему за пределы сна. Вам будет выдана специальная форма и назначен куратор на период ввода и для дальнейшей работы. Вопросы есть?

Кэссиди опустила взгляд на договор. Буквы плясали: строчки о неразглашении, ответственности, запретах, согласии на внутренние протоколы и дисциплинарные меры. Слова были выверенными и сухими. Она сглотнула, чувствуя, как дрожит рука.

— А еще есть такие... — она запнулась, потому что вопрос звучал опасно даже в голове. — Такие, как я.

В темноте напротив что-то едва шевельнулось — возможно, просто человек сменил позу, но Кэссиди восприняла это как реакцию.

— Это конфиденциальная информация, — отозвался мужчина тем же ровным тоном, без раздражения, но так, что возражения казались невозможными. — Вам не требуется это знать для выполнения своих обязанностей.

— И еще, я не могу работать целый день, это возможно? — спросила Кэссиди.

— Такая работа это и предполагает, сеансы снов по запросу.

Кэссиди еще раз пробежала глазами по договору. Она поняла главные правила клуба, что клиент приносит желание, либо клиент обращается за интересной идеей сна, а клуб дает этот сон или идею и делает ее сном, и сотрудники клуба устраивают все так, чтобы он был ярким, цельным, запоминающимся. Клиент может побывать в месте или ситуации, предложенной клубом, либо там, где он сам мечтал очутиться. Роль Кэссиди — это сопровождение: чуть подсветить нужные детали, усилить ощущения, выстроить ритм, чтобы сон не распался на хаотичные обрывки. Также она не должна была менять ничего, по сути, не вмешиваться в происходящее. Никаких «улучшений» реальности клиента, никаких вмешательств в то, что сон показывает сам, никаких попыток «исправить» сюжет или навязать новую мысль. Только сделать так, чтобы человек прожил свое желание глубже и ярче, и увидел, и ощутил, за чем пришел. Вмешиваться разрешалось только при реальной угрозе жизни клиента.

Кровь пульсировала в висках, но пальцы вдруг стали удивительно точными. Кэссиди подписала договор медленно, аккуратно, выводя буквы так, словно ставила подпись не под документом, а под собственной новой жизнью. Потом отложила бумаги в сторону — в световом круге осталась ее подпись, черная и окончательная.

— Принято, — сказал голос. — С этого момента вы обязаны соблюдать режим неразглашения по правилам клуба.

Лампа над столом горела все так же, а маски напротив оставались в темноте, как две пустые точки контроля. Кэссиди вдруг остро почувствовала, что самое страшное в этой комнате даже не правила — а то, что ей уже некуда отступить, потому что она только что сама подтвердила, подписав договор.

Впереди было только неизвестное — чужие сны, чужие желания, границы, о которых ей сказали слишком конкретно. Самое тревожное было даже не то, что ее ждет, а то, что она уже сделала шаг, после которого будущее начнет менять ее, хочет она этого или нет.

Глава 9. Погружение

Первый рабочий день на новом месте. В холле Кэссиди встретил мужчина, по телосложению он казался молодым — прямая осанка, уверенная походка. На лице была маска, гладкая и без выражения, а голос звучал слегка измененным, но все равно человеческим.

— Кэссиди, я твой «куратор». Если есть какие-то вопросы, пожелания, обращайся. Мы называем друг друга настоящими именами, так как подписано соглашение о неразглашении, сама понимаешь, и все равно никто не знает на сто процентов, настоящие ли это имена или нет. Меня зовут Норман.

— Привет, Норман, очень приятно, рада знакомству, я поняла, спасибо, — ответила Кэссиди.

Они прошли по коридору, где по обе стороны тянулись одинаковые двери.

Ну, наверно, если так много дверей, то я не одна такая.

— Это твое рабочее место, — он открыл дверь в одну из комнат, — здесь довольно простая обстановка, минимум мебели, но есть все необходимое, если что-то хочешь добавить, не стесняйся, все доставим. Это твоя часть комнаты, — он указал на кресло.

Кресло стояло чуть в стороне, как у оператора: с высокими подлокотниками и небольшим блоком датчиков на стойке рядом.

— За стеклом другая половина комнаты — это «территория клиента», — продолжал Норман.

Рядом тянулась стеклянная стена — толстая, с легкой тонировкой и едва заметной рябью, как у бронированного стекла. Но разглядеть там что-то было трудно: стекло работало как умное — то отражало свет и показывало больше твое собственное лицо, то мутнело, оставляя лишь смазанные силуэты и пятно приглушенного света.

— Напротив вас сидит «оператор», он соединяет с помощью прибора тебя и клиента и следит за происходящим. Это специальная кнопка, — он показал на кнопку рядом с креслом, — для особых случаев, — он замялся, — ты сама скоро все поймешь. Ты здесь будешь погружаться в тайны клиентов, — на слове «тайны» он сделал какой-то особенный акцент и хитро улыбнулся. — Ну пойдем, я покажу тебе общий зал «проводников», — открывая дверь, сказал Норман.

— Я думала, нам запрещено общаться, — спросила Кэссиди.

— Ну не совсем, как тебе сказать, не думаю, что ты увидишь здесь много народу, у всех разный график, разное продолжение снов клиентов. Так сказать, ненормированный рабочий день, — он радостно улыбнулся, очень довольный своей шуткой.

Когда дверь в зал открылась, навстречу вышел мягкий запах кофе, ткани и дорогого интерьерного аромата — неожиданно уютный для места, где люди каждый день погружались в чужие желания.

Несмотря на тревожное возбуждение, Кэссиди нравилось, что происходит, нравилась обстановка вокруг. Все было очень красиво: огромные зеркала, оббитые красным шелком стены, большие люстры в готическом стиле, свисающие с черного потолка, маленькие лампы, создающие эффект звезд, светились на потолках. От своего «кабинета» она была в восторге. Большая комната, как вся их старая двухкомнатная квартира, была обставлена мягкой мебелью, создавая уютную домашнюю атмосферу.

— Ты можешь выходить в общий зал, когда у тебя перерыв между клиентами, если, конечно, хочешь, или можешь оставаться в своем кабинете, если что-то захочешь, можешь сообщить мне, и я все для тебя сделаю, ну как все, — замялся он, — например, кофе или чай, — закончил фразу Норман.

— Я поняла, — ответила Кэссиди.

— Это твоя униформа, — сказал он и открыл одну из гладких панелей, ничем не отличающуюся от остальных, и за ней оказался встроенный шкаф.

Дверца открылась бесшумно, и внутри вспыхнул узкий вертикальный свет. На фоне идеально пустых полок висело строгое вечернее красное платье в пол с открытыми плечами. Ниже стояли черные туфли — строгие, с каблуком такой высоты, чтобы походка становилась медленнее и увереннее. А рядом, на отдельной подложке, лежала тонкая черная кружевная маска в венецианском стиле.

— Ты будешь работать по запросам, тебе в календарь будет приходить заказ заранее.

— Поняла, — ответила Кэссиди.

— Ну что, сегодня у тебя первый клиент, — объявил Норман, смотря в расписание, — у тебя будет время еще раз пробежаться по инструкции до начала сеанса, ну, удачи.

Глава 10. Первый сеанс

Первый сеанс начался с протокола: Кэссиди по очереди нажимала нужные кнопки, подтверждала допуски, сверяла индикаторы — зеленые метки загорались одна за другой, как будто система спокойно отмечала: готово, готово, готово. На экране загорелось «Имя» и пожелания клиента. Ей казалось, что она делает все правильно, она подготовилась, заучив инструкцию почти наизусть, но внутри нарастало волнение. Когда она закончила и на экране появился статус синхронизации, Кэссиди застыла в предвкушении. Она чувствовала, что клиент совсем рядом, за стеклянной стеной. Ей было страшно от этой близости. И вместе со страхом она ощущала жгучее любопытство: кто он, что он принес с собой, какую тайну сейчас откроет сон. Она ловила себя на том, что прислушивается, пытаясь угадать по звуку и паузам характер, возраст, настроение — но монитор показывал только присутствие, вымышленное имя, не давая никакой персональной информации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.